

В.О.КЛЮЧЕВСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ
VI

*СПЕЦИАЛЬНЫЕ
КУРСЫ*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
социально-экономической литературы
МОСКВА
1959

В.О.КЛЮЧЕВСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

В ВОСЬМИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
социально-экономической литературы
МОСКВА
1959

КУРС ЛЕКЦИЙ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ

ЛЕКЦИЯ II¹

Особенности изучения русских источников. — Трудность прочтения. — Трудность лексики. — Изучение летописей. — Трудность их понимания. — Задачи критики летописей

Особенности изучения русских источников Я укажу те специальные приемы исторической критики, которые вызываются особенностями наших исторических источников. Эти особенности заключаются прежде всего в тексте наших древних памятников, который задает не меньше работы исследователю, чем текст античных памятников; только текстуальные трудности наших памятников происходят от других причин, не тех, какие затрудняют понимание античных текстов. Понимание последних затрудняется: 1) мудрованиями старинных, особенно средневековых, читателей, которые позволяли себе исправлять древний текст, где его плохо понимали, сокращали или дополняли, где находили это нужным; 2) литературной своеобразностью античных писателей, из коих у каждого свой стиль, своя литературная манера, у иных очень изысканная.

Трудность прочтения Совсем другие причины затрудняют понимание наших древних текстов. Это: 1) неумение их прочесть, и это неумение одинаково свойственно как нашим древним книгописцам, так и новейшим ученым, которые принимались за издание памятников, и последние грешат этим едва ли меньше первых. Ни наши древние книжники, ни новейшие издатели не заботились достаточно о правильном чтении рукописей, отсюда частые искажения в позднейших списках и изданиях. Приведу один пример. В южнорусской летописи по Ипатьевскому списку, как он издан Археографической комиссией, под годом 6636

(1128) читаем известие: «Посла князь Мстислав с братьею своею многы кривичи четырьми путыи». Читая дальше, приходим в недоумение. Братья Мстислава пошли из Турова, Владимира Волынского, Городна — какие там кривичи? Это страна волянян и дреговичей. Еще страннее то, что целью похода были города Изяславль, Борисов, Дрютск, Логожск — все города Полоцкого княжества, т. е. кривского племени². Из некривских городов посланы были «многы кривичи» на кривичей же. Нетрудно догадаться, что неверно прочитаны были слишком слитно написанные слова: «Посла братью с вои многы на кривичи» и «посла с братьею своею вои многы на кривичи».

Другой пример: один князь в XII в. во время похода на половцев «зая грады их подъянови», как читаем в печатном издании летописи.

**Трудность
лексик**

Другая причина трудности понимания древних наших памятников заключается не в грамматике или стилистике, т. е. не в литературных особенностях писателей, а в лексиконе, т. е. в нашем отношении к древней русской лексике. Наш современный литературный язык составилась довольно искусственно, его элементы подбирались и комбинировались довольно случайно и капризно. Писатели или литературные школы, устанавливавшие этот язык, находились под влиянием двух языков: книжного церковнославянского и разговорного русского; вообще держались грамматики последнего, заимствовали очень много из лексикона первого, но зато много утратили из лексического запаса народной речи. В этом отношении наш литературный язык вышел значительно обдерганным. Освоившись со многими терминами южнославянского болгарского языка, наша книжная речь забыла значение соответствующих слов чисто русского происхождения. Лексика, заимствованная из книжного церковного языка, которым писала древняя Русь, вытеснила из оборота огромный запас туземного русского языка, и этот запас не был принят в состав литературной речи.

Другим условием, усиливавшим это затруднение, было быстрое изменение значения слов нашего книжного языка. Я не умею сказать вам, почему, но при самом легком наблюдении над развитием русского языка можно заметить: во-первых, утрату обильного лексического

запаса народной речи; во-вторых, необыкновенную быстроту, с какой в книжном употреблении у нас менялись значения слов, переходивших от одного смысла к другому, синонимическому. Это явление, замечаемое в развитии нашего языка, можно назвать *игрою синонимики*.

Я не знаю, есть ли это особенность нашего языка, но эта черта характеризует его на пространстве нескольких веков. Может быть, эта игра синонимики происходит оттого в нашем литературном языке, что в последние века мы испытали несколько быстрых приливов массы чуждых понятий, заносных идей, для которых не находили туземных, доморощенных форм выражения, благодаря чему с умыслом слишком злоупотребляли словами, задерживая их смысл. Как бы то ни было, по той или другой причине происходит плохое понимание языка древнерусских источников. В нашей историографии вы встретите множество забавных, а иногда и не лишенных грусти недоразумений и ошибок, происходящих от этого недостатка.

Напомню несколько примеров. Так, в первой статье Русской Правды толкователи совсем не понимали, зачем рядом стоят два однозначных, как думали, выражения «брату чадо» и «братню сынови». Оказывается, что «брату чадо» не сын брата, а греческие слова — «двоюродные братья», дети родных братьев (дети двух братьев)³.

Далее, сколько затруднений производила для толкования одна статья Псковской Правды, где употреблен термин «пословица»⁴. Пословица — поговорка — ее теперешнее значение⁵. Но при таком толковании терялся смысл статьи, которую никому не удавалось объяснить. Если принять другое значение этого слова: условие, согласие, договор, сделка, то смысл статьи становится ясным. Новгородская летопись под 1367 (6875) г. говорит: «Не беша пословици псковичем с новгородци», т. е. не было ладу у псковичей с новгородцами⁶.

Другая статья Псковской Правды говорит об арендаторе рыбного участка, который «заложил весну»⁷. Один исследователь после многих усилий так объяснил, наконец, это слово: арендатор заложил своему хозяину свою часть весеннего урожая. Потрудитесь в русском сельском хозяйстве отыскать весенний урожай, который и в XV в., несомненно, не существовал. Вот до чего мог

договориться плохо знакомый с языком самый усердный толкователь! Между тем каждый крестьянин знает, что значит запелереложить весенний улов, т. е. не эксплуатировать, бросить его. Итак, «заложить» тогда имело не то значение, что теперь.

В 1281 г., рассказывает Волынская летопись, мазовецкий князь Кондрат, воюя со своим родным братом Болеславом, выпросил у брата Владимира его рать наподержание, т. е. на прокат, и повел ее на Болеслава, на любимый его город Гостинец. Летопись рассказывает, что в разных местах полки осадили город, «сташа около города, яки борове велицеи»⁸. Один историк, недолго думая, решился написать: «Стали около города, как свиньи». «Борове» — это темный еловый лес, и смысл данного места не только понятен, но и поэтичен. Грозные полки с длинными копьями, как леса темные.

Владимир Мономах в своем поучении к детям сообщает любопытную историческую черту, не нашедшую себе места в современной летописи. Мономах говорит: «А в Вятичи ходихом по две зиме на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходих первую зиму»⁹. Легко различить здесь цели похода. Две зимы подряд Мономах ходит на Ходоту. Ходота — какой-то старшина вятичей, любопытное лицо, свидетельствующее о том, что в первой половине XII в. у вятичей существовал какой-то свой старшина, независимый от киевского князя. Легко заметить, что в первую зиму Мономах предпринимает другой поход к Корьдну, т. е. к известному поселению Корден, или Корьднь, город у вятичей. Другой историк передает в своем пересказе это место так: Мономах две зимы ходил на туземных князей вятичей — на Кордна и на Ходоту¹⁰. Так город превратился в князя, и Корьднь оказывается целью уже двух походов, а не одного.

Приведем третий пример, свидетельствующий о нашем равнодушии к древней грамматике. Знаменитая Волынская летопись, как известно, начинается с 1201 г. повествованием о волынском князе Романе, который здесь описывается в поэтически преувеличенных героических чертах. Между прочим, летопись замечает, что, как только стала известна смерть Романа в половецких степях, один хан, которому много досталось от Романа, тотчас послал с известием в Обезы своего гудца, т. е. песенника или музыканта¹¹. В подлиннике читаем дательный

самостоятельный [падеж], и, как на зло, все называют этого гудца Орев, а его имя Ор или, скорее, Орь.

Итак, наша филологическая критика, изучающая исторические источники, должна быть обращена к разрешению двух главных задач: 1) к *правильному чтению древних рукописей* и 2) к *изучению языка древних памятников*, т. е. древней терминологии.

Изучение летописей

Изучение исторического материала, содержащегося в древних памятниках, также требует особых приемов. Припомним, в каком периоде представляется античная жизнь у классических писателей, собственно у историографов. Там она изображается в движении; но так как до нас не дошло письменных памятников ежедневного быта, то чрезвычайно трудно представить себе античную жизнь известной эпохи статически, в вертикальном разрезе. Между тем полное понимание жизни известного народа в известное время требует ее изучения и в движении и как она представляется в разрезе. Если хотите изучать движение древней Руси, вы должны обратиться к летописям. Но летописи в большинстве [случаев] памятники не личного, а коллективного творчества; ведь это свод местных записей прошедшего, переданный через несколько рук, они очень слабо отражают в себе движение жизни. У летописцев есть, как известно, свой определенный взгляд на события, который драматизирует рассказ. Но этот взгляд также не личный, а один и тот же у всех летописцев, так что при разборе летописей нет места для применения одного приема высшей исторической критики — определения угла зрения писателя. Есть один летописный угол зрения, который определить легко, но нет угла зрения киевского, суздальского, волынского или летописца XII, XIII или XIV вв. Проявления личного взгляда летописца на лица и события чрезвычайно редки, и в коротком обзоре летописей их легко пересчитать.

Трудность их понимания

Понимание собственно летописного рассказа затрудняется разнообразными условиями. Прежде всего способом сводки местных летописей, которые сводились в общую летопись чрезвычайно неодинаково. Сводчик из всех летописей, которые лежали перед ним, брал за основание одну и сначала выписывал из нее целиком, а потом брал из другой, прибавляя, что находил удобным; легко

заметить в них хронологическую перебивку. В иных летописных сводах не всегда события отмечены точной датой, сводчик не стеснялся с непоследовательностью хронологических дат: августовские события рассказывались прежде июньских, потому что в таком порядке они попадали на его глаза при своде. В такой перебивке не могли уцелеть указания летописи на свойство и происхождение событий.

Еще одно техническое затруднение усиливает эту путаницу: в порядке изложения событий наши древние летописцы держались неодинакового летосчисления. В первые века [летописцы] предпочитали употребление мартовского года, но некоторые стали избирать год сентябрьский. Чем дальше, тем более стали склоняться к употреблению года сентябрьского. Начальная летопись по Ипатьевскому списку аккуратно считает год мартовским; в XIII—XIV вв. встречаются одновременно различные летосчисления, иной считает год с сентября, иной продолжает считать с марта. Теперь представьте себе положение сводчика в конце XIV в.; он сводит летописи разных счетов и не всегда догадывается, что летосчисление в них различное; один переписывает из одного года в предшествующий, другой — в последующий. От этого происходит трудность разобраться в порядке событий. Один умный сводчик XVI в. угадал это неудобство и признался в том, какие затруднения он испытывал вследствие этого.

В 1534 г. какой-то сельский грамотей в Ростовской земле составил по разным летописям и хронографам русский летописец. Рукопись этого единственного сборника дошла до нас с перебитым порядком листов. Перебитых листов не сумели подобрать да так и переплели их, Археографическая комиссия так и напечатала их. В подлиннике можно разобраться, смотря по краям листов. На одном из первых листов, попавших не на свое место, приводится одно из частных оглавлений из сказания или жития тверского князя XIV в. Михаила Александровича. Так как в этом заглавии упомянуто имя тверского князя, то издатели и всю летопись назвали Тверской, тогда как эта летопись общерусская, лишь составленная в Ростовском уезде. Этот сводчик приводит иные сказания и статьи целиком и часто цитирует свои источники. Он не чужд и критических приемов, не прочь иногда усумниться в известии. Он и указывает нам на то затрудне-

ние, в которое привело его различие древних летописях. Рассказывая о бое, жду русскими князьями в 1195 г., он замечает: «~~иже~~ же в новгородском летописци лето весною починает, а осень и зиму глаголетъ: тоя же осени и зыми; аз пишу по индикту начало, и сего ради не согажается леты с инеми летописци, точию времена месяцем в лете изсматрай, и после коего начала лету пишет, того и лета»¹². Смысл этой критической заметки такой: в новгородской летописи год начинается весною, а когда события происходили осенью и зимою, то это было в ту же осень и зиму, а я начинаю год индиктом, т. е. с 1 сентября, и отношу их к тому же году, который начался этим первым сентябрем. Если бы вообще в древних сводах мы встречали подобные заметки, то они вывели бы нас из многих недоумений относительно их исторического материала.

Итак, главное затруднение при критической обработке древних летописей — *редакционная техника древних летописных сводчиков*.

Задачи критики летописей

Критическая обработка исторического материала, заключающегося в летописных сводах, должна преследовать три основные задачи: 1) указать источник летописи, т. е. есть ли это свод или подлинная первичная летопись; 2) восстановить хронологическую связь событий, перепутанную благодаря редакционным приемам древних сводчиков; 3) указать в правильной хронологической последовательности событий их внутреннюю историческую связь, которая только тогда и становится уловимой, когда события, переданные летописью, будут расположены в правильном хронологическом порядке.

Итак, *источники, хронологическая последовательность и внесение исторического смысла* — вот три самые трудные задачи исторической критики наших летописей.

Несколько иные затруднения представляют критике древние акты, под которыми разумею как частные сделки, так и правительственные документы.

ЛЕКЦИЯ III

Акты. — Трудности их изучения. — Задачи критики источников

АКТЫ

Под актами, как уже сказано, я разумею памятники правительственной деятельности и частные юридические сделки. По-видимому, в этих актах не может встретиться никаких затруднений. Если, читая летописи, мы должны, так сказать, по крупяцам собирать намеки на быт известного времени, на ежедневные житейские отношения, то в актах должны встретить только готовые бытовые черты, по которым можно нарисовать полную картину житейских отношений, господствовавших в известное время; здесь нет надобности выбирать и очищать мелкие разорванные черты, а остается только брать целиком все содержимое в актах. Это так. Но и акты представляют несколько опасностей для изучающего по ним быт известного времени.

Трудности их изучения

1) В актах мы встречаем обычные, заученные формулы юридических отношений; акты писались, как пишутся и теперь, по известным, принятым формулам. Этой формулой, собственно, и закреплялось известное отношение, но каковы эти формулы? Они часто отличаются отсталостью. Формулы в актах создаются из первых частных случаев, которые удалось обобщить в канцелярии. Создавшись раз, формулы водворялись в актах известного рода и по известному консерватизму канцелярии, говоря проще, по их неповоротливости, живут целые века. Между тем отношения меняются, житейская практика поэтому все больше удаляется от заученных формул, и акты перестают быть отражением действительности, делаются анахронизмом. Так, принимать формулы известного

времени за отношения действительности — значит очень часто ошибиться на много времени, на несколько поколений.

Приведу один случай. В нашем гражданском праве остается еще в значительной степени вопросом происхождение и развитие кабальной крепостной зависимости, известного древнерусского вида холопства. Эта крепостная зависимость, надо думать, возникла в XVI в. либо в конце XV в., но акты, крепости, которыми укреплялась эта зависимость, самые договоры лиц, вступавших в холопские отношения с их господами, появляются только с самого конца XVI в. В первых дошедших до нас кабалах мы встречаем уже установившуюся формулу договора, которая и повторяется с чрезвычайным однообразием и в половине XVII в. Вот эта «пошлая» форма договора («пошлая» в смысле правовая, обычная), Я приведу заемную кабалу 1646 г., и вы попытаетесь сделать по ней юридическое определение холопства: «Се яз Иев Ерофеев сын Новгородец, вольной человек (значит, не бывший холопом. — *В. К.*), с женою своею Офросенью («е» вместо «и» по новгородскому выговору. — *В. К.*), Онаньиною дочерию, да с детми своими, с сыном Прокофьем, да с сыном Иваном Иевлевыми детми, занял есми у Матвея Васильева сына Мотягина (новгородский помещик. — *В. К.*) денег пятнадцать рублев московским числом (т. е. по московскому числу, так как новгородский счет рублями был иной. — *В. К.*) ноября с 20 числа нынешнего 155 года, да впредь на год по 20 ж число. А за рост мне, Иевку, с женою своею и с детми, у государя своего, у Матвея Васильевича служить по всея дни во дворе. А полягут денги по ороце, и мне, Иевку с женою своею и с детми, також у государя своего, у Матвея Васильевича служить по вся дни во дворе по сей служилой кабале».

Далее следуют послухи.

Теперь по этой крепости попытаемся юридически определить кабальное холопство. Вольные люди, одинокие или с семействами, брали деньги взаймы на год и обязывались этот год служить во дворе у кредитора, исполняя службу во дворе взамен уплаты роста по займу. Зависимость продолжалась дольше года, если холоп не уплачивал долга по его прошествии. Следовательно, [он] мог прервать зависимость, уплатив по истечении года долг; а когда деньги не уплачивал через год, зависимость

продолжалась неопределенное время. Надеюсь, и вы так определите кабальную зависимость по этому акту. Определив так, загляните в законодательство о холопах и вы увидите, что в вашем определении нет ни одной верной черты. Во-первых, кабальная зависимость завязывалась обыкновенно без займа денег. Во-вторых, заключив договор, кабальный холоп лишался права разорвать укрепленную им зависимость не только через год, но и через несколько лет. Он не мог разорвать эту зависимость, уплатив долг, потому что и долга не было. Зависимость продолжалась до смерти господина и разрывалась смертью последнего без уплаты долга, хотя бы даже при заключении сделки был сделан заем.

Итак, по установившейся формуле кабальной крепости в XVII в., даже в конце XVI столетия, нельзя составить себе верного юридического определения кабального холопства. *Эта формула — анахронизм*, но анахронизм этот любопытен, ибо указывает на то, как первоначально завязывалось холопство. Эта формула была некогда действительным выражением отношений первой половины XVI в., от которой до нас не дошло крепостей, но в духовных грамотах дошли распоряжения о кабальных холопах. Из них видно, что кабальная зависимость всегда завязывалась займом на известное время (здесь — на год); по истечении этого срока кабальный холоп мог разорвать зависимость; если он ее не разрывал до смерти господина, она продолжалась и по смерти господина.

Итак, 100 лет спустя, когда кабальное холопство совершенно изменило свое право, формула кабальной крепости повторяется неизменно от того времени, когда кабальное холопство только завязывалось и когда оно было полукрепостным, разрываемым по воле холопа. Крепостная зависимость — ведь это такая зависимость, которая не разрывается по воле зависимого лица.

Укажу на другой, более важный ряд памятников, которые страдают этой же отсталостью формулы. Это договорные грамоты князей XIV в. Там великий князь московский заключает договоры со своими братьями — родными, двоюродными, князьями тверскими, рязанскими; все договариваются как братья старшие, младшие или ровня, а на самом деле мы знаем, что в XV в. действительные отношения князей сошли с основания родства и перешли на почву материального перевеса сил. Но эти

формулы родственных отношений между князьями, которые не помнили, в каком они колене родственники, живо указывают на то время, когда впервые устанавливались взаимные отношения удельных князей, потомков Всеволода III, — на XIII в., хотя от этого века до нас не дошло ни одной договорной грамоты.

2) Другую опасность представляют акты, особенно частные сделки, исключительностью отношений, в них устанавливаемых. Встречая подобные акты, нельзя не спросить, что это — действительно исключительные отношения или нормы, т. е. отношения, уже обобщившиеся? Если это нормы, то это факт, характеризующий действительность известной минуты, если же исключительные отношения, то очень часто это пророчество будущей нормы, которая потом войдет в силу и станет правом. Эта опасность представляет наибольшие затруднения.

Вопреки общему мнению, до нас дошло много частных актов от темных (как их принято у нас называть) удельных веков, от XIII и особенно XIV в., только эти акты пока разбросаны по разным углам, где их не замечают. С этими актами чистая мука: что ни акт — то новость, факт, которого нельзя доказать никакими параллельными или однородными явлениями.

О юридическом и хозяйственном быте удельных веков из летописи, очень сухой и молчаливой, мы знаем очень мало. Какой акт, особенно о поземельных отношениях, ни возьми, становишься в затруднение определить, что это — нормальное ли явление или капризы двух соседей. Единственный способ выбраться из этого затруднения — посмотреть вперед и назад, особенно вперед.

Приведу один наглядный пример такого исключительного явления. Известно, что поместья по юридическому своему существу не наследовались и не отчуждались. Фактически они передавались родственникам прямым (нисходящим) или боковым; точно так же фактически они переходили из рук в руки. Так установилось фактическое наследование поместий и некоторые формы фактического отчуждения (мена, сдача). Менялись поместьями лица, которые затруднялись отбыванием воинской повинности, или сдавали их на известных условиях в более боевые руки: вдовы сдавали братьям [поместья] своих умерших мужей и т. п. Но до последней минуты действия поместного права закон запрещал

два вида распоряжения поместьями — продажу и завешание или, если угодно, три вида: заклад, завешание, продажу (заклад часто переходил в продажу). В конце XVII в. был издан очень важный закон, укреплявший поместья за детьми помещиков и завершавший сближение поместий и вотчин, это известный закон *21 марта 1684 г.*¹³ Поместье умершего служилого человека полностью должно было переходить к его детям, хотя бы эти дети по своей службе и не имели претензий на это поместье, и не только детям, но и внучатам и правнукам. Как видите, этот закон закреплял за нисходящими [родственниками] поместья, но он не расширял право распоряжения поместьями, т. е. не давал ни новых прав отчуждения, ни прав завешания. Как [вы] отнесетесь теперь к следующему документу, который сейчас приведу¹⁴...

Очевидно, пеня, или неустойка, есть сумма капитализирования [из] процентов арендной платы, из арендной платы, как из роста 10 руб. Как поступить с этим актом? Можно сказать, что Вельямису, симбирскому мурзе, закон не писан, а можно подумать, что это есть явление, указывающее на начинавшийся переворот в поместном праве. Вы видите одно: помещик присваивает себе небывалое право распоряжения, отдачи земли в бессрочную, продолжительную аренду и в аренду крепостную.

Теперь я прошу припомнить известный закон о единонаследии [1714 г.]. Что в этом указе поражает историка прежде всего? Это установление одинакового порядка наследования для обоих видов землевладения — поместного и вотчинного, — и в этом порядке наследования открыт довольно широкий простор для завещателя.

Итак, на поместья распространяется право завешания, которого они не имели. Первая статья закона гласит: «Всем недвижимых вещей, то есть родовых, выслуженных и купленных вотчин и поместий, также и дворов, и лавок не продавать и не закладывать, но обращаться оным в род»¹⁵. С одной стороны, на поместья распространяется право завешания, а с другой — с поместий, как и с вотчин, сняты некоторые права распоряжения, прежде им принадлежавшие, например право отчуждения. Сличите это со сделкою Вельямиса и вы увидите, какое место в развитии поместного права надо дать сделкам подобного рода. Государь ничего не имел против предоставления права завешания, тем более что оно касалось